

24. The Annals, vol. 1., From A.D. 732 To A.D. 1180. Roger De Hoveden. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medievalist.globalfolio.net/eng/h/hoveden-annales-1/> (дата обращения: 17.11.2011).
25. The Middle English Compendium. [Электронный ресурс]. URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/m/mec/med> (дата обращения: 17.11.2011).
26. The Paris Psalter manuscript, psalm 39. The Paris Prose / Edition of the Latin and English of the first fifty psalms in the paris psalter prepared by Richard Stracke. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.aug.edu/augusta/psalms/> (дата обращения: 17.11.2011).

УДК 81'42

Савченко Е.П.

Московский государственный областной университет

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИНГВОКОГНИТОЛОГИЯ КАК КОНТАКТ ЛИЧНОСТИ С ТЕКСТОМ ИНОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

E. Savchenko

Moscow State Regional University

TRANSLATION LINGUA-COGNITOLOGY AS A CONTACT BETWEEN A PERSON AND A TEXT OF FOREIGN CULTURE

Аннотация. В статье рассматривается понятие «переводной лингвокогнитологии» – дисциплины, развивающейся в рамках современной теории перевода, которая является новым, самостоятельным направлением в сравнительно-сопоставительном языкознании и обладает целым рядом характерных особенностей и собственных черт. Лингвокогнитология, рассматривая человека как языковую личность, стремится не только установить механизмы порождения речи, связь языка и сознания, но также предпринимает попытки расширить и углубить понимание самого процесса перевода, определяя его как «диалог иноязычных культур», который находит свое вербальное выражение как в устной, так и в письменной речи, реализуемой представителями конкретных этнокультурных сообществ.

Ключевые слова: концептосфера, переводная лингвокогнитология, когнитивные стереотипы, языковая личность, языковое сознание.

Abstract. The article explores the application of cognitive approach to translation, expands the terminology of contemporary translation studies. The paper offers a definition of «translation lingua-cognitology», a new discipline developing within the framework of the modern theory of translation that tends to become a separate branch of cognitive linguistics and occupies a certain position in the sphere of basic contemporary approaches to linguistic studies. It also clarifies its relation to cognitology and the theory of translation.

Key words: conceptual field, translation lingua-cognitology, cognitive stereotypes, linguistic personality, linguistic thinking.

Переводческая мысль на современном этапе развития науки о языке, обобщая результаты переводческой практики со времен античности до наших дней, пытается не столько описать, сколько разрешить диалектические противоречия, присущие переводу как особому виду человеческой деятельности. В то же время утвердившаяся в современном языкознании *антропоцентрическая парадигма*, возвратившая человеку статус «меры всех вещей» и вернувшая

его в «центр мироздания» [1, 64], представляет собой переключение интересов исследователя с объекта познания на субъект.

В настоящее время в рамках антропоцентрической парадигмы развивается целый ряд смежных, междисциплинарных направлений. Мы в своем исследовании остановимся на *когнитивной лингвистике* и *переводной лингвокогнитологии*, где последняя является новой, почти не изученной ранее областью знания, возникшей на стыке когнитивной лингвистики и современной теории перевода.

Стоит заметить, что сам термин «когнитивный» в значении «познавательный», или «соответствующий познанию», встречается уже давно в философской литературе [9, 263]. Однако в связи с исследованиями последних десятилетий термин «когнитивный», хоть и употребляется некоторыми исследователями в качестве синонима слову «познавательный», все чаще встречается в значении «ментальный», что связано с изучением многих процессов, происходящих в сознании человека, так же, как и в связи с новыми подходами к рассмотрению этих процессов, характеризующих ментальную деятельность человека.

К числу важнейших принципов *когнитивной лингвистики* относится трактовка человека как субъекта в непрерывном действии, творца знаний, принимающего, перерабатывающего и продуцирующего информацию, руководствующегося определенными схемами и стратегиями в своих действиях, большинство из которых программируются на невербальном, подсознательном уровне.

Поскольку решение задач восприятия, обработки, продуцирования, и трансляции информации непосредственно связано с использованием языка, вполне естественно, что язык оказался в центре внимания ученых-когнитологов.

Категоризация и концептуализация человеческого опыта непосредственно связана с его когнитивной деятельностью, что объясняется тем, что содержательная информация, получаемая извне в ходе познавательной деятельности человека и ставшая предметом его осмысления, восприятия и обработки,

находит свое выражение в структурах языка. Обратимся к работам А.Н. Леонтьева, в которых мы находим следующее объяснение когнитивным процессам категоризации знания: «Языковое сознание <...> и значение слова как его фрагмент есть форма структуризации и фиксации общественного опыта людей, знаний о мире <...> форма презентации и актуального удержания знания в индивидуальном сознании» [5, 55].

Так, можно утверждать, что именно язык обеспечивает наиболее естественный доступ к сознанию и мыслительным процессам, – не потому, что многие результаты мыслительной деятельности оказываются вербализованными, а потому, что «мы знаем о структурах сознания только благодаря языку, который позволяет сообщить об этих структурах и описать их на любом естественном языке» [3, 21].

До сих пор вызывающая противоречия теория лингвистической относительности В. фон Гумбольдта сегодня получает новое прочтение, привлекая, как никогда ранее, внимание философов, лингвистов и когнитологов к проблеме влияния структуры языка на мышление, тесной взаимосвязи языка и мировосприятия носителей данного языка (Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. и др.). В настоящее время данная теория дополняется гипотезами этнолингвистов о наличии у каждой лингвокультурной общности своего собственного способа восприятия действительности, формирующегося под воздействием как языковых, так и неязыковых средств, что подтверждает существование глубинных архетипов, которые обуславливают ментальное и не ментальное поведение представителей определенной лингвокультурной общности [7, 565].

Фронтальная разработка лингвокогнитивных проблем последнего десятилетия позволяет рассматривать *когнитивную науку* как междисциплинарную дисциплину, где сам термин можно назвать «зонтичным» для целого ряда наук: когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, философской теории когниции и т. д. Можно смело утверж-

дать, что уже сложились такие дисциплины, как когнитивная антропология, когнитивная социология и даже когнитивное литературоведение, т. е. почти в каждой гуманитарной науке выделилась определенная область, связанная с применением когнитивного подхода и когнитивного анализа к соответствующим объектам данной науки [4, 7–11].

Не удивительно, что принципы и понятия когнитивной лингвистики все более укореняются в современной теории перевода, рассматривающей сам процесс перевода не просто как лексико-грамматическую замену единиц одного языка единицами другого, но как «диалог двух национальных культур», а конкретнее – диалог двух представителей конкретных национальных культур, что оказывается наиболее значимо, когда речь идет о переводе с одного языка на другой [6, 15].

Так, мы видим, что теория перевода, долгое время носившая нормативный характер и разрабатывавшая технологию перевода, ориентируясь, в основном, на конечный результат (текст перевода), определяя основные переводческие стратегии и приемы, становится дисциплинарно многоплановой и комплексной. Все более актуально звучит утверждение Э. Сепира о том, что «чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют... в отказе выйти за пределы своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще <...> они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими и социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [8, 47].

Рассматривая перевод именно как «диалог национальных культур», мы предполагаем передачу некоей этнокультурологической информации в переводе. Так, экстралингвистическая, имплицитная информация, или «импликатура» (термин Г. Грайса, 1981), оказывается наиболее важной составляющей в процессе коммуникации, а следовательно, и в создании полноценного, адекватного перевода, чем собственно «системные значения языковых единиц» [2, 122]. Тут следует

вспомнить о том, что *когниция* как процесс познания, отражения сознанием человека действительной реальности и преобразование полученной извне информации, по утверждению Е.С. Кубряковой, носит «внутренний», «ментальный», «интериоризованный» характер [4, 9].

Всякое речевое произведение, а в особенности произведение литературное, в котором выразительность является решающим информационным фактором, тесно связано с национальными и культурными составляющими. Можно предположить, что восприятие получаемой информации зависит не только и не столько от нашего знания языка как системы знаков, сколько от коллективного и личностного опыта, оценок и предпочтений, национального менталитета, сознательных и интуитивных реакций на меру выразительности некоей информации, получаемой извне.

Переводческие исследования двух последних десятилетий наиболее активно используют достижения когнитивной лингвистики и этнолингвистики, определяя *перевод* как полноправную речевую деятельность, во всех его видах представляющую собой сложный, специфический, вторичный вид речевой деятельности [6, 78].

Говоря о *переводе* как «речевой деятельности», можно утверждать, что для многих исследований в этой области естествен всплеск интереса к тому, что может стать преградой в осуществлении двуязычного коммуникативного акта, т. е. в процессе общения представителей разных национально-культурных сообществ, в их контакте с иной культурой.

Принимая во внимание тот факт, что переводчик работает с текстом, занимается вопросами кодирования и декодирования информации, сам *перевод* может рассматриваться как сложная лингвокогнитивная деятельность, в процессе которой переводчик сталкивается как с собственно лингвистическими трудностями, так и с трудностями экстралингвистического характера.

Именно поэтому большой интерес представляет когнитивное описание процесса перевода.

Так, комплексной научной дисциплиной на стыке теории перевода и когнитивной лингвистики стала *переводная лингвокогнитология*. В центре внимания *переводной лингвокогнитологии* взаимодействующие языки – и как системы знаков, и как национально-культурные образования, что говорит о довольно широком спектре интересов данной научной дисциплины.

Перевод как деятельность и перевод как результат этой деятельности неотделимы от понятия культуры. Это подчеркивал в своих теоретических работах А.Д. Швейцер: «Перевод — это не только взаимодействие языков, но и взаимодействие культур... Процесс перевода «пересекает» не только границы языков, но и границы культур» [14, 37].

Если согласиться с тем, что текст есть часть экстралингвистической реальности и по сути своей предстает как опосредованное отображение некоторого фрагмента окружающей действительности, то следует признать, что мы имеем дело не только с двуязычным переводом, но и с диалогом представителей различных культурных сообществ, т. е. *межкультурным диалогом*. Такой перевод требует передачи тех смыслов, которые заложены в тексте и которые являются результатом осмысления окружающей действительности некой языковой личности – автора произведения.

Процесс перевода можно рассматривать как взаимодействие и взаимовлияние двух языковых личностей, а именно автора, создающего художественное произведение и воспринимającego реальность сквозь призму своего сознания, и переводчика, подвергающего произведение вторичному переосмыслению и испытывающего влияние со стороны общественной национальной среды.

Таким образом, учет когнитивных процессов и принципов не только в переводоведении как теоретической науке, но и в качестве прикладной дисциплины, позволяет выйти на новый качественный уровень перевода, по-новому рассматривать понятия адекватности и эквивалентности перевода, феномен переводной множественности, а также решать проблемы «непереводимого в переводе».

Переводная лингвокогнитология связана с акцентами в понимании языка, открывающими перспективы изучения человека, его интеллекта и сознания во всех многообразных связях с языком. *Переводная лингвокогнитология* является не альтернативным течением в современном сравнительно-сопоставительном языкознании, но новым способом познания лингвистической реальности, языка и перевода как формы взаимодействия национальных языков и культур, так как язык, являясь неотъемлемой частью конкретной культуры, становится определяющим фактором в вопросах восприятия окружающей реальности.

Так, *переводная лингвокогнитология*, рассматривая процесс перевода как «ментальный» процесс, протекающий непосредственно в нашем сознании, позволяет проанализировать деятельность переводчика как *языковой личности*, обладающего собственными качествами и характеристиками, а следовательно, выявить и описать новые переводческие стратегии для осуществления полноценного, адекватного перевода. Ведь, как мы уже установили, мы говорим о переводе литературного произведения, где значительная смысловая часть заключена вне его самого, а его оригинальный текст, как и текст перевода, всегда отражает познавательные усилия субъекта, языковой личности (автора и переводчика), в равной степени обращенные как на самого себя, так и на окружающий мир.

Кроме того, *переводная лингвокогнитология*, рассматривая в качестве предмета своего изучения взаимодействующие языки как знаковые системы, и оперируя при этом понятиями когнитивной лингвистики, такими, как *концепт*, *когниция* и *понятие*, во многом облегчает работу переводчика с так называемой «безэквивалентной лексикой», имеющей национальную, геополитическую или историческую основу. Вопросы «непереводимого в переводе» всегда были и остаются по настоящий момент наиболее затруднительными и противоречивыми в работе переводчика.

Определив место и значение конкретного труднопереводимого либо непереводимого

понятия в сознании носителя культурологической информации и в национальной картине мира этнического сообщества, к которому принадлежит данный представитель, переводчик получает возможность найти выход к реальности, в которой творил автор, что приводит к пониманию концептуального авторского замысла и построению полноценного переводного текста.

Обратимся к произведению знаменитого британского писателя Иена Флеминга «Операция Гром» («Thunderball»), который создал неповторимый образ «идеального героя», агента британской разведки – Джеймса Бонда. Во многих произведениях И. Флеминга читатель сталкивается с реалиями западного мира в период так называемой «холодной войны». На русский язык произведение И. Флеминга «Операция Гром» переводилось несколько раз, поэтому мы имеем возможность сравнить, сколь различны взгляды переводчиков на авторские образы, и выяснить, в какой мере текст переводного произведения несет на себе отпечаток языковой личности переводчика:

He was born into the buyers' market...into the age of atomic bombs and space flight [10, 10].

1) *Впрочем, что ж, он родился в обществе потребления, в государстве благоденствия, в эпоху атомных бомб, космических полетов...* [12, 234].

2) *Он родился в продажном мире, в «государстве всеобщего процветания», в век атомных бомб и космических полетов* [11, 148].

Так, в первом переводе переводчик употребляет широко используемое в наши дни выражение «общество потребления», или «потребительское общество», оно не несет в себе никакого дополнительного значения и является эквивалентным по отношению к английскому выражению «*the buyers' market*». Во втором переводе, выполненном переводчиками Ю. Никитиной и И. Исхаковой, смысловые акценты смещаются, и текст получает дополнительный смысл за счет употребления выражения «*в продажном мире*» = «*the buyers' market*», которое не совсем адекватно передает авторские намерения. Так, переводчик

добавляет некоторый оттенок обвинения, возможно, даже презрения, вследствие чего читатель ассоциативно связывает западный, капиталистический мир с чем-то незаконным, продажным, непостоянным.

Концепт как когнитивное понятие, а также как ключевая единица понятийного аппарата *переводной лингвокогнитологии*, рассматривается нами, вслед за Е.С. Кубряковой, как «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), отраженной в человеческой психике» [3, 90].

Лингвально-ментальный комплекс, соединяя в себе концептуальные системы и язык мозга, испытывая влияние со стороны индивидуально-личностных качеств человека, позволяет дать представление о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов человеческой деятельности и процессов познания мира в виде некоторых «квантов знания» (термин Е.С. Кубряковой).

Так, *переводная лингвокогнитология*, находясь на стыке двух дисциплин и интегрируя знания когнитивных наук и переводоведения, позволяет учитывать при переводе и собственно лингвистические, и когнитивные, и лингвокультурологические факторы. Описание национальной концептосферы, национального менталитета, основных ценностных компонентов, значимых для данной культуры в целом и отдельных ее представителей в частности, позволяет снимать многие трудности в процессе перевода.

Переводная лингвокогнитология открывает новые перспективы для постижения сути процесса перевода и оценки его результатов, рассматривая язык как единство ментальных и собственно лингвистических структур, выводит сам процесс перевода и деятельность переводчика на принципиально новый уровень.

Без сомнения, для правильной оценки закономерностей переводческой деятельности необходимо комплексное изучение языковой личности как автора, так и переводчика, и национально-культурных факторов, влияющих на деятельность этих личностей. Так, именно идеи и результаты исследования процесса перевода в рамках *переводной лингвокогнитологии* позволяют предположить, что особенности межкультурного контакта, к которым также относится и перевод литературных произведений, в каждом конкретном случае несут на себе как личностный отпечаток деятельности субъекта, так и общие характеристики этнолингвистического сообщества и национального языка.

Таким образом, исследования в различных областях когнитивного знания, и *переводной лингвокогнитологии* в частности, представляя процесс перевода как акт межкультурной коммуникации, позволяют предположить влияние на данный процесс и его участников психологического фона, который во многом предопределяет характер национального языка и национальной ментальности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
2. Казакова Т.А. Художественный перевод. Теория и практика. СПб: ИнЪязиздат, 2006. 544 с.
3. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в языке // Структуры представления знаний в языке. М., 1994. С. 5-31.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
5. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. 1979. № 2. С. 3-14.
6. Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. 264 с.
7. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2006. 1096 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 2002. 656 с.
9. Философский энциклопедический словарь / Губский Е.Ф., Кораблева Г.В., Лутченко В.А. М.: Инфра-М, 1997. 576 с.
10. Флеминг И. Операция Гром: Учебное пособие. Книга для чтения на английском языке. СПб.: Антология, 2003. 224 с.
11. Флеминг И. Операция «Шаровая молния» / Пер. с англ. В. Исакова и Ю. Никитиной. Свердловск: Средн.-Урал. кн. изд-во, 1991. 288 с.
12. Флеминг И. Живи и дай умереть! Приключения агента 007 / Пер. с англ. Т. Крамовой; Операция «Гром». М.: Профиздат, Рос-Маркетинг, 1991. 320 с.
13. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. 464 с.
14. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Наука, 1988. 280 с.
15. Oxford Russian Dictionary / M. Weeler, B. Unbegaun, P. Falla. Oxford University Press, 2006. 1295 p.